

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ

Женщины

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б90

Charles Bukowski
WOMEN

Copyright © 1978 by Charles Bukowski. Published by arrangement
with HarperCollins Publishers, Inc.

Перевод с английского *Дмитрия Шепелева*

Разработка макета серии *Натальи Портяной*

Оформление обложки *Марии Чупровой*

Буковски, Чарльз.

Б90 Женщины / Чарльз Буковски ; [перевод с английского Д. Шепелева]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-243171-5

Чарльз Буковски — один из крупнейших американских писателей XX века, автор более чем сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности.

Роман «Женщины» написан им на волне популярности и содержит массу фирменных «фишек» Буковски: самоиронию, обилие сексуальных сцен, динамичность сюжета. Герой книги — Генри Чинаски, и он является неизменным альтер эго автора. Роман представляет собой череду более чем откровенных сексуальных сцен, которые объединены главным — бесконечной любовью героя к своим женщинам, любованием ими и грубовато-искренним восхищением.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-243171-5

© Шепелев Д., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Много же хороших мужиков осталось
под мостом из-за бабы.

— *Генри Чинаски*

Этот роман — художественное произведение, и ни одно действующее лицо не списано с отдельно взятой личности или сочетания личностей — ни живых, ни мертвых.

Мне стукнуло пятьдесят, и я уже четыре года не был с женщиной в постели. И дружбу с женщинами не водил. Я смотрел на них, когда встречал на улицах или где-нибудь еще, но смотрел без вожделения и с чувством пустоты. Регулярно мастурбировал, но мысль об отношениях с женщиной — даже без сексуального уклона — не укладывалась у меня в голове. У меня была шестилетняя дочь, внебрачная. Она жила с матерью, а я платил алименты. Я был женат задолго до того, в тридцать пять. Та женитьба продлилась два с половиной года. Жена подала на развод. Любил я только одну женщину. Она умерла от острого алкоголизма. Умерла в сорок восемь, а мне было тридцать восемь. Жена была на двенадцать лет моложе меня. Теперь она, наверно, тоже умерла, хотя не уверен. После развода она шесть лет писала мне по длинному письму на каждое Рождество. Я ни разу не ответил...

Не уверен, когда впервые увидел Лидию Вэнс. Лет шесть назад; я как раз уволился с почты, где проторчал двенадцать лет, и пытался быть писателем¹. Я был в ужасе

¹Хронологическое пояснение: роман *Women* («Женщины») был впервые издан в 1978 г., с почты Буковски уволился в конце 1969 г., а его первый роман, *Post Office* («Почтамт»), был

и пил как никогда. Я писал свой первый роман. Каждую ночь, трудясь над романом, я выпивал пинту¹ виски и два шестерных блока пива. Курил дешевые сигары, печатал на машинке, пил и слушал до рассвета классическую музыку по радио. Я ставил цель — десять страниц за ночь, но никогда не знал до другого дня, сколько страниц написал. Утром я вставал, блевал, затем шел в гостиную и смотрел на диван, сколько там страниц. Я всегда превышал десятку. Там могло быть семнадцать, восемнадцать, двадцать три, двадцать пять страниц. Конечно, ночные труды каждый раз приходилось править или выбрасывать. Первый роман занял у меня двадцать одну ночь.

Хозяева двора, где я тогда жил, обитавшие в задней части, считали меня ненормальным. Каждое утро, как проснусь, на крыльце стоял большой продуктовый пакет. Содержимое варьировалось, но в основном там были помидоры, редиска, апельсины, зеленый лук, консервированный суп, красный лук. Я пил с ними пиво через ночь до четырех-пяти утра. Когда старик отключался, мы со старушкой держались за руки, и я время от времени целовал ее. У двери я всегда целовал ее как следует. Она была дико морщинистой, но что ж поделать. Она была католичкой и смотрелась очень мило в розовой шляпке, когда ходила в церковь с утра по воскресеньям.

Думаю, с Лидией Вэнс я познакомился на моем первом поэтическом вечере. Дело было в книжном на авеню Кенмор, «Подъемный мост». Я снова был в ужасе. Весь из себя, но в ужасе. Когда я вошел, все сидячие места были заняты. Перед Питером, владельцем книжного, жившим с черной девчонкой, лежала куча наличности.

впервые издан в 1971 г., стало быть, текущие события происходят ок. 1970 г. — *Здесь и далее прим. пер.*

¹ Пинта жидкости в США = 0,47 л.

— Блин, — сказал он мне, — если бы ко мне всегда набивалось столько народу, мне бы хватило денег еще раз на Индию!

Я вошел, и раздались аплодисменты. В том, что касалось поэтических чтений, я был готов сломать целку.

Я читал тридцать минут, затем объявил перерыв. Я все еще был трезв и чувствовал, как на меня таращатся из темноты. Несколько человек подошли и заговорили со мной. Затем, в момент затишья, подошла Лидия Вэнс. Я сидел за столом и пил пиво. Она положила на край стола обе руки, наклонилась и посмотрела на меня. У нее были длинные русые волосы, довольно длинные, и выдающийся нос, а глаза слегка не совпадали. Но она излучала энергию — этого было нельзя не заметить. Я почувствовал, как между нами струятся вибрации. Часть вибраций приводила в замешательство и не предвещала ничего хорошего, но их нельзя было не заметить. Лидия Вэнс посмотрела на меня, а я — на нее. На ней была замшевая ковбойская куртка с бахромой на вороте. И хорошие груди. Я сказал ей:

— Хотел бы я сорвать эту бахрому с вашей куртки — можем начать с этого!

Лидия удалилась. Не сработало. Никогда не умел разговаривать с дамами. Но у нее была задница. Я смотрел на эту прекрасную задницу, пока она удалялась. Половинки покачивались в седловине ее синих джинсов, и я смотрел на это, пока она удалялась.

Я закончил вторую часть чтения и забыл о Лидии, как забывал о женщинах, мимо которых проходил на улице. Я забрал свои деньги, подписал какие-то салфетки, какие-то бумажки, затем ушел и поехал домой.

Я все еще трудился каждую ночь над первым романом. Я никогда не начинал раньше 6.18. Во столько я обычно отмечался на проходной почтамта. Они зая-

вились в шесть: Питер и Лидия Вэнс. Я открыл дверь. Питер сказал:

— Смотри, Генри, смотри, что я тебе привез!

Лидия вскочила на кофейный столик. Синие джинсы обтягивали ее как никогда. Она махнула длинными русыми волосами из стороны в сторону. Она была безумна; она была чудесна. Впервые я всерьез задумался о том, чтобы заняться с ней любовью. Она стала декламировать стихи. Собственного сочинения. Хуже некуда. Питер попробовал остановить ее:

— Нет! Нет! Никакой рифмованной поэзии в доме Генри Чинаски!

— Да пускай, Питер!

Я хотел смотреть на ее задницу. Она ходила взад-вперед по старому кофейному столику. Затем затанцевала. Взметнула руки. Стихи были ужасны, другое дело — ее фигура и безумие.

Лидия спрыгнула на пол.

— Как тебе, Генри?

— Что?

— Стихи.

— Не особо.

Лидия стояла на месте, держа в руке свои стихи. Питер схватил ее.

— А давайте трахаться! — сказал он ей. — Ну же, давайте трахаться!

Она оттолкнула его.

— Ну ладно, — сказал Питер. — Тогда я уйду!

— И уходи. У меня своя машина, — сказала Лидия. —

Я смогу к себе вернуться.

Питер подбежал к двери. На пороге обернулся.

— Ну ладно, Чинаски! Не забудь, что я тебе привез!

Он хлопнул дверью и был таков. Лидия присела на диван, у двери. Я присел примерно в футе и посмотрел

на нее. Смотрелась она бесподобно. Меня взял испуг. Я протянул руку и коснулся ее длинных волос. Волосы были волшебны. Я отдернул руку.

— Все эти волосы действительно твои? — спросил я. Хотя и так знал.

— Да, — сказала она, — мои.

Я тронул ее за подбородок и очень неловко попытался повернуть к себе ее голову. Мне не хватало уверенности в таких делах. Я легонько поцеловал ее.

Лидия вскочила.

— Мне надо идти. Я плачу сиделке.

— Слушай, — сказал я, — останься. Я заплачу. Просто побудь еще.

— Нет, не могу, — сказала она, — мне надо идти.

Она подошла к двери. Я за ней. Она открыла дверь. Затем обернулась. Я последний раз потянулся к ней. Она подняла лицо и быстро чмокнула меня. Затем отстранилась и вложила мне в руку листы с печатным текстом. Дверь закрылась. Я сел на диван с листами в руке и слушал, как заводится ее машина.

Стихи на трафаретной бумаге были сколоты и назывались «ОНАААА». Я прочел несколько. Интересные были стихи, с юмором и сексом, но написаны плохо. Их написала Лидия и три ее сестры — такие все задорные, смелые и сексуальные. Я отбросил бумагу и открыл пинту виски. За окном стемнело. По радио играли в основном Моцарта, Брамса и «Шмеля».

2

День-другой спустя я достал из почтового ящика стихотворение Лидии. Стихотворение было длинное и начиналось так:

Выходи, старый тролль,
Из норы своей выйти изволь, старый тролль,
Выходи на солнце с нами,
Мы украсим твои волосы цветами...

Стихотворение рассказывало, как приятно мне будет танцевать по полям с женственными нимфами, которые принесут мне радость и подлинное знание. Я убрал письмо в ящик комода.

Следующим утром меня разбудил стук по стеклу входной двери. Было 10.30.

— Отвалите, — сказал я.

— Это Лидия.

— Ладно. Погоди минутку.

Я накинул рубашку, натянул штаны и открыл дверь. Затем убежал в ванную, и меня вырвало. Попробовал почистить зубы, но меня снова вырвало — сладость зубной пасты выворачивала мне кишки. Я вышел из ванной.

— Тебе нездоровится, — сказала Лидия. — Хочешь, я уйду?

— Да не, я в порядке. Я всегда так встаю.

Лидия смотрелась хорошо. Сияла в свете, проникавшем сквозь занавески. Она держала в руке апельсин и подбрасывала его в воздух. Апельсин кружился в лучах утреннего солнца.

— Остаться я не смогу, — сказала она, — но хочу попросить тебя кое о чем.

— Конечно.

— Я скульпторша. И хочу вылепить твою голову.

— Ладно.

— Тебе придется приехать ко мне. У меня нет студии. Придется заниматься этим у меня. Тебя ведь это не будет нервировать?

— Нет.

Я записал ее адрес с указаниями, как туда добраться.

— Постарайся показаться к одиннадцати утра. После полудня дети приходят из школы, и это отвлекает.

— Буду в одиннадцать, — сказал я ей.

Я сидел напротив Лидии в ее кухонном уголке. Между нами возвышалась глиняная масса. Последовали вопросы.

— Твои родители еще живы?

— Нет.

— Нравится Эл-Эй?

— Это мой любимый город.

— Почему ты так пишешь о женщинах?

— А точнее?

— Сам знаешь.

— Не знаю.

— Ну, я думаю, это ужасно досадно, что человек, который пишет так хорошо, ничего не знает о женщинах.

Я промолчал.

— Черт! На что Лизе дался...? — Она начала обыскивать комнату. — Ох уж эти девочки, которые хватают мамины инструменты!

Лидия нашла другой.

— Сойдет и этот. Сиди теперь смирно. Спокойно, но смирно.

Я сидел к ней лицом. Она трудилась над комом глины деревяшкой с проволоочной петлей на конце. Помахивала на меня ею поверх глины. Я следил за ней. Ее глаза смотрели на меня. Большие, темно-карие. Даже ее плохой глаз, который не совсем совпадал с другим, хорошо смотрелся. Я смотрел ей в глаза. Лидия работала. Время шло. Я был в трансе. Затем она сказала:

— Как насчет перерыва? Не желаешь пива?

— Отлично. Да.

Когда она направилась к холодильнику, я пошел за ней. Она достала бутылку и закрыла дверцу. Когда она повернулась, я схватил ее за талию и притянул к себе. Приник ртом и телом. Бутылку пива она держала на вытянутой руке.

Я поцеловал ее. Снова поцеловал. Лидия оттолкнула меня.

— Ну ладно, — сказала она, — хватит. Нам надо работать.

Мы снова сели, я пил пиво, а Лидия курила сигарету; между нами глина. Затем позвонили в дверь. Лидия встала. Возникла толстуха с ошалелыми молящими глазами.

— Это моя сестра, Глендолина.

— Здравсьте.

Глендолина подтащила стул и стала говорить. Говорить она умела. Будь она сфинксом, она бы говорила, будь она камнем, она бы говорила. Мне стало интересно, когда она устанет и уйдет. Даже когда я уже не слушал, меня как будто молотили пинг-понговыми мячиками. Понятие времени было чуждо Глендолине, как и мысль о том, что она могла быть некстати. Она говорила и говорила.

— Слушай, — сказал я в итоге, — когда ты уже уйдешь?

И началась сестринская тема. Они стали говорить между собой. Обе встали, замахали руками. На повышенных тонах. Пошли взаимные угрозы физической расправой. Наконец — не прошло и года — Глендолина крутанула своим гигантским торсом и выкатилась вон, хлопнув большой сетчатой дверью, и пропала из виду, но было слышно, как она гневно стелает в сторону своих апартаментов в глубине двора.

Мы с Лидией вернулись к кухонному уголку и сели. Она взяла свой инструмент. Ее глаза взглянули в мои.

Как-то утром через несколько дней я зашел во двор Лидии, а она как раз входила из переулка. Она была у подруги Тины, жившей в многоквартирном доме на углу. В то утро она выглядела наэлектризованной, почти как в тот раз, когда впервые зашла ко мне, с апельсином.

— У-у-у-у, — сказала она, — на тебе новая рубашка!

Что правда, то правда. Я купил рубашку, потому что думал о Лидии, о том, чтобы увидеться с ней. Я понял, что она это поняла и теперь вышучивает меня, но я не возражал.

Лидия отперла дверь, и мы вошли. В кухонном уголке, накрытый влажной тканью посреди стола, торчал ком глины. Лидия стянула ткань.

— Что скажешь?

Она меня не пощадила. Все было на месте: оспины, нос алкаша, обезьянья челюсть, припухшие глаза и довольная ухмылка счастливого мужика, чующего, как ему, дурачине, повезло, и гадающего, за что¹. Ей было тридцать, мне — за пятьдесят. Подумаешь.

— Да, — сказал я, — изобразила ты меня. Мне нравится. Но он почти закончен. Мне будет тяжело, когда ты его доделаешь. У нас бывали потрясающие утра и дни.

— Это не мешало твоему писательству?

— Нет, я пишу, только когда стемнеет. Днем совершенно не пишется.

Лидия взяла свою стеку и посмотрела на меня.

— Не волнуйся. Мне еще многое нужно сделать. Хочу, чтобы с этим все получилось.

¹ Фотография бюста рядом с самим Буковски/Чинаски есть в интернете.

В первый перерыв она достала из холодильника пинту виски.

— А-а, — сказал я.

— Сколько? — спросила она, поднимая высокий бокал.

— Напополам.

Она смешала, и я немедленно выпил.

— Я слыхала о тебе.

— А точнее?

— Как ты вышвыриваешь ребят со своего крыльца.

И бьешь своих женщин.

— Бью моих женщин?

— Да, кто-то мне говорил.

Я схватил Лидию, и мы слились в самом долгом нашем поцелуе. Я притиснул ее к краю раковины и стал тереться о нее членом. Она оттолкнула меня, но я ее снова настиг посреди кухни.

Рука Лидии нащупала мою и опустила спереди к ней в джинсы, в ее трусики. Кончик пальца нащупал ее манду. Она была мокрой. Продолжая целовать ее, я углублялся пальцем ей в манду. Затем вынул руку, отстранился, взял пинту и налил себе выпить. Я снова сел за стол в кухонном уголке, а Лидия обошла кругом, села напротив и посмотрела на меня. Затем продолжила трудиться над глиной. Я медленно пил виски.

— Слушай, — сказал я, — я знаю, в чем твоя трагедия.

— Что?

— Я знаю, в чем твоя трагедия.

— В каком смысле?

— Да ну, — сказал я, — просто забудь.

— Я хочу знать.

— Не хочу задевать твои чувства.

— Я хочу знать, о чем ты, черт возьми, говоришь.

— Окей, если нальешь мне еще выпить, я скажу.

— Ладно.

Лидия взяла мой пустой бокал и налила поровну виски с водой. Я снова все выпил.

— Ну? — спросила она.

— Черт, сама знаешь.

— Что знаю?

— У тебя большая пися.

— Что?

— Ничего необычного. Ты двоих детей родила.

Лидия сидела молча, трудясь над глиной. Затем отложила инструмент. Прошла в угол кухни, у задней двери. Я смотрел, как она наклоняется и стягивает сапожки. Затем она скинула джинсы и трусики. Ее манда так и смотрела на меня.

— Ну ладно, козел, — сказала она. — Я тебе покажу, что ты не прав.

Я снял туфли, штаны и трусы. Опустился на линолеум на четвереньки и подмял ее под себя, вытянувшись во весь рост. Я начал целовать ее. Я быстро затвердел и ощутил, как проникаю в нее.

Я начал двигаться... раз, другой, третий...

Раздался стук в дверь. Стук был детский — маленькие кулачки, шальные, настырные. Лидия быстро спихнула меня.

— Это Лиза! Она не пошла сегодня в школу! Она была у...

Лидия вскочила и стала натягивать одежду.

— Одевайся! — сказала она мне.

Я оделся так быстро, как мог. Лидия подошла к двери, и возникла ее пятилетняя дочка:

— МАМОЧКА! МАМОЧКА! Я порезала пальчик!

Я побрел в гостиную. Лидия усадила Лизу себе на колени.

— У-у-у-у, дай мамочка посмотрит. У-у-у-у, дай мамочка поцелует пальчик. Мамочка сделает лучше.